

Заключение

Дав анализ содержания и генезиса формирования советской модели экономики, тех тенденций и факторов, которые к ней привели, я хочу прямо ответить на вопрос: А почему мы от неё отказались? Ведь эта модель в значительной мере ещё практикуется в Китае и в ещё большей степени в КНДР и на Кубе. По ней ностальгирует значительная часть наших сограждан, активно голосуя за КПРФ.

Я убеждён, что она, эта модель, умерла у нас естественной смертью, выработав весь свой ресурс и проявив полную свою неэффективность. То есть она могла приносить эффект в условиях короткого периода мирного времени для решения конкретных, часто больших задач с использованием чрезвычайных и мобилизационных методов. Она могла приносить эффект в условиях военного времени, когда требовалось собрать в один кулак все необходимые ресурсы и силы. Но в нормальных условиях она просто не выдерживала никакого сравнения с рыночной моделью.

Во-первых, советская экономическая модель истощала ресурсную базу страны, требовала перерасхода (по сравнению с рыночной) ресурсов всех видов: труда, капитала, инвестиций, земли. Какой ресурс ни возьмишь – везде мы расходовали его больше на единицу конечного выпуска (ВНП), чем в странах с рыночной экономикой. Иными словами, советская экономическая модель адекватна экстенсивному типу производства, она хороша для искусственного стимулирования (на первых этапах), расширяющихся, количественных объёмов производимой продукции. Но она не годится для интенсивного типа производства, базирующегося на экономии используемых ресурсов, и, следовательно, на прибыли. Однако именно от прибыли зависят перспективы развития производства.

Во-вторых, советская экономическая модель не приемлет ускоренного и широкомасштабного научно-технического прогресса, ибо не содержит внутренней мотивации к качественному совершенствованию.

В-третьих, эта модель порождает массовый дефицит, она не ориентирована на меняющийся спрос, она ориентирована на плановый показатель, который меняется лишь раз в год, а то и в пять лет.

В-четвертых, для своего функционирования эта модель нуждается в тоталитарном или в лучшем случае авторитарном политическом устройстве. Социально-экономический или общественный строй в этом случае не может быть демократическим. Уже одно это исключало сохранение советской экономической модели в условиях гласности и других демократических процессов в нашей стране, которые начались в период горбачёвской перестройки.

В-пятых, эта модель привела сначала к искусственному наркотическому взлету, то затем к постепенному затуханию темпов экономического роста СССР, более того – к спаду производства, серьёзному отставанию нашей страны от стран Запада. Наше прогрессирующее отставание обнаружилось не в 80-е или 90-е годы, оно обнаружилось еще в конце 50-х – начале 60-х годов. В период брежневского застоя это отставание стало особенно нарастать. Мы пытались его замедлить с помощью огромного экспорта нефти и газа. Но мы не хотели всерьёз заняться совершенствованием нашей экономической модели, как это начали делать Венгрия с 1968 г., Польша с 1971 г., Китай с 1978 г. Мы потеряли много времени, и период, когда можно было бы постепенно и безболезненно перейти на рыночную модель, бездарно прошёл. Так что, нечего на зеркало пенять...

Централизованное планирование в рамках жёсткого режима единоличной власти очень напоминает фирму монополиста с вертикальной системой управления всеми нижестоящими звеньями. В этом смысле бывший СССР – это корпорация-монополист, главная задача которой – удержаться и выстоять в этом мире всеобщей вражды и конкуренции, сконцентрировать свои силы на достижении главной цели – обеспечении самоподдерживающегося роста, внутренней согласованности всех своих звеньев с помощью действенного контроля и искусственного подстёгивания.

На кого работала советская модель экономики? Конечно, не на народ, не на рабочий класс. Она работала прежде всего на хозяина страны, советскую номенклатуру, на партию, на укрепление их власти, положительного имиджа, на мощь страны. И здесь она достигла своих

целей, пока внутренняя болезнь и начавшаяся эрозия всей системы реального социализма не ослабила, а затем и не разрушила её.

А теперь уместно задать такой вопрос: если старая СМЭ себя не оправдала, почему нынешние экономические реформы не принесли успеха, почему до сих пор страна не имеет эффективной рыночной экономики и почему объём производства и уровень жизни народа снижаются и в настоящее время существенно ниже, чем в советском прошлом?

Сегодня рыночная трансформация в России идёт и медленнее, и противоречивее, и неизмеримо дороже, и неэффективнее, чем в Польше, Венгрии, Чехии и в странах Балтии. Реальный социализм у нас был намного дольше по времени, чем в этих странах, идеологическая, психологическая и ментальная заданность оказались намного сильнее. Эта историческая аномалия проросла глубокими корнями в стране и обществе. Россия получила в наследство кадры могучей советской номенклатуры, идейно «подготовленных» директоров и учёных, не заклемила социализм как неэффективную, бесчеловечную и аномальную систему, не запретила компартию, не принесла покаяние, что помогло бы ей сейчас двигаться по рыночному пути.

Доставшиеся в наследство производственный аппарат, уродливая структура производства и гигантские по своим размерам предприятия вместе с вытравленными административно-командной системой предпринимательскими и инновационными стимулами оказались серьёзной преградой на пути российской рыночной трансформации.

Ведь всё, что происходило у нас после октябрьского переворота 1917 г., находилось в стороне от главной дороги развития мировой цивилизации, мы сами загнали себя в тупик, в изоляцию от этой цивилизации, изобрели нечто такое, что не прижилось в мире и было разрушено у нас самих. Марксизм-ленинизм тоже оказался в стороне, на обочине магистрального пути развития мировой науки. И сегодня во весь рост стоит вопрос о возврате страны и общества на круги своя.

Но это не значит, что мы грамотно и без серьёзных ошибок идём по пути рыночной трансформации. Слабость политической воли по поддержке реальных реформ, разгул оппозиции, пытающейся создавать непреодолимые преграды на этом пути, распространение коррупции и отсутствие убедительной экономической программы у нового российского правительства являются плохим фоном для движения в правильном направлении. Предстоит ещё много сделать по преодолению всех этих трудностей и недостатков. Но страна не сошла с пути реформ и, уверен, ещё сделает необходимые и решительные шаги в этом направлении.

Необходимо признать, что строй и экономическая модель, которые создали большевики, оказались самыми неразумными не только в нашей стране, но и в истории тех стран, которые также экспериментировали с ними на горе своих сограждан. Этот строй и эту модель мы не только приняли, но и отказались от них в XX в. Но на эксперимент было потрачено более 70 лет и очень много человеческих жизней. Поэтому великая революция в нашей стране – это не революция большевиков, не создание советской политической системы или экономической модели, а переход от этой модели к рынку. Однако научный анализ «реального социализма» и его экономической модели ещё пока слабо разработан в нашей стране и поэтому нуждается в дальнейшем развитии. Не следует забывать, что настоящий научный подход к изучению советской экономики был начисто исключен в течение долгого времени. Поэтому роль нынешних российских ученых должна быть в этом отношении весомой. Мы должны действовать по нормам, стандартам и правилам, принятым в цивилизованном мире, широко взаимодействовать с этим миром и не стремиться к якобы спасительной самоизоляции, или, что ещё хуже, к частичному возврату в прошлое. Путь назад – это путь в исторический и экономический тупик.

И тем не менее не следует забывать, что тоталитарная СМЭ – всего лишь часть того тоталитарного строя, который большевики создали в нашей стране. Она далеко не определяет всех его важных черт. И вопрос о тоталитарном строе «реального социализма» также нуждается в новом изучении, новом подходе с позиций уже свершившейся, но не совсем ещё нами осмысленной советской экономической и политической истории.

Я убеждён, что самые значительные события XX в. – это не две разрушительные мировые войны, не гениальные открытия учёных, не те или иные конкретные воплощения научно-технического прогресса, а вхождение значительной части человечества в реальный социализм (1917 г.) и выход из него (1989-1991 гг.). Вхождение в социализм на деле осуществили российские большевики. По их стопам потом пошли многие другие страны. В XX в. большевики держали в своих руках не только одну нашу огромную страну, но и одну треть мира (мировая социалистическая система). Они распространили своё влияние практически на

весь мир, на всю планету, обладая ядерным оружием и теорией мировой революции, не говоря уже о «самой передовой в мире идеологии».

Это беспрецедентный факт, феномен всемирно исторического значения. Большевизм – это особая форма тоталитаризма, базирующаяся на всеохватывающей власти одной партии и государства, социалистической экономической модели и на всеохватывающей партийной идеологии, пропаганде и воспитании. По существу, большевизм возродил и неимоверно усилил систему государственного гнёта и насилия, всевластия центра, которые были характерны для царской России и с которыми боролись российские народники и ранние марксисты.

Вся советская система держалась на принуждении, планировании сверху, небывалой эксплуатации. В беспощадном терроре страна теряла лучших своих представителей, экономика уродовалась плановыми предначертаниями, исходящими не из реальных потребностей, а из идеологических и политических целеуказаний, страна производила сплошь и рядом то, что не нужно, то, что несовременно. Ресурсопожирание и экономическая неэффективность не знали предела и только огромные природные богатства и избыточное трудоустройство спасали нашу страну от близкой катастрофы. Катастрофа наступила лишь по прошествии более чем семи десятилетий. И хотя в историческом масштабе этот период времени незначителен, мы успели наломать немало дров, испортить несколько поколений людей.

Ранние российские марксисты-большевики в теории хотели уничтожить классы и государство, дать людям реальную свободу, политическую демократию, они были против империализма и монополий. На деле же большевики и их последователи создали всепоглощающее тоталитарное государство, уничтожили личность и свободу, сформировали ярко выраженное классовое общество с эксплуататорами и эксплуатируемыми, с неравенством и принуждением, создали невиданные монополии в виде министерств и крупных предприятий, а также реальную угрозу всему миру. А советская общественная наука верой и правдой служила укреплению и якобы процветанию нового общественного строя, всячески восхваляя и обильно цитируя вождей партии и страны. Приближаясь так или иначе к вождям, работая непосредственно на них, советские академики-обществоведы, говоря словами академика Г.Арбатова, «онаучивали» советскую власть и руководство страны. На деле же, представляется, они им прислуживали, помогали, преследуя не в последнюю очередь и корыстные интересы. К тому же свои академические погоны они и получали с прямой подачи ЦК КПСС, выполняя тем самым роль агентов ЦК в Академии наук СССР.

Важно напомнить, что когда реальные рыночные реформы начались в 1990 г. в Польше, ведущие советские экономисты, бывшие тогда советниками М.Горбачёва или занимавшие высокие государственные посты, как правило, были против следования польскому опыту, считая его непригодным для СССР. Как заявил в апреле 1990 г. один из советников М.Горбачёва в интервью польской газете «Рабочая трибуна», «советский народ одобряет карточную систему, стояние в очередях (особенно в рабочее время), но он против повышения цен»¹. А если отменить государственный контроль над ценами, то инфляция неизбежна. Но уже тогда известный шведский советолог А.Ослунд заметил, что «освобождение цен будет, естественно, непопулярной мерой, однако опасности, связанные с его задержкой, намного серьезнее»².

К сожалению, правдой является и тот факт, что такие российские писатели, как А.Солженицын и В.Солоухин, не будучи экономистами, обществоведами и вообще учёными, дали в своих произведениях анализ сути советской экономики намного глубже и правдивее любого советского экономиста.

Советские учёные-обществоведы всегда поддерживали партию и правительство, никого из них не было в числе диссидентов. Более того, к последним они, как правило, относились отрицательно. Не случайно поэтому, что в числе 43 советских академиков, подписавших в 1979 г. позорное письмо с осуждением А.Сахарова и требованием лишить его звания академика, было немало обществоведов, в том числе экономистов и международных работников.

В период постсоветской трансформации наши юристы, в частности (вспомним председателя Конституционного Суда Зорькина!), сделали всё, чтобы не допустить общественного осуждения коммунизма, запрещения компартии. И сегодня, когда не только на местном, но и на государственном уровне происходят экстремистские акции по разжиганию национальной розни, формированию и укреплению фашистских настроений и течений в российском обществе, среди наших обществоведов не находится борцов против этих явлений. Их нет, например, среди подписавших открытое письмо академиков РАН против

---

¹ The New York Times, April 25, 1990.

² Ibid.

доморощенных антисемитов, пользующихся поддержкой значительной части населения страны.³

Чтобы продлить свое существование, советский режим умело маневрировал, из года в год придумывались (не в последнюю очередь с помощью советской общественной науки) новые и новые цели, призывы и лозунги, зовущие к новым свершениям. Но народ уставал и постепенно перестал им верить. Темпы роста производства снижались, социальная неустроенность не уменьшалась, разрыв между социализмом и капитализмом нарастал. И большинство людей, наконец, всё это стало понимать.

По существу, была создана система тотального рабства, всевластия и произвола партийных и иных верхов, система тотального обмана народа и цинизма. Никогда ещё в истории человечества эксплуатация собственного народа не достигала такой степени, как в условиях «реального социализма». Никогда извращения изначально нормальной и даже благородной социалистической идеи не достигали такого размера, как в условиях «реального социализма». И, наконец, нигде и никогда раньше сам «реальный социализм» не был так превращён в злостную карикатуру и пугало для всего человечества (вместо заявляемой «братской поддержки» со стороны народов всего мира), как это было в бывшем Советском Союзе. Однако позднее коммунисты Китая, и особенно Камбоджи, покажут не менее, если не более яркие образцы извращений.

Страна понесла неисчислимы потери за годы советской власти. Прежде всего это выражается в десятках миллионов человеческих жизней. Далее, в разрушениях нормального хозяйственного уклада и духовного наследия. Наконец, в создании тупиковой и бесперспективной СМЭ. И чего мы добились? Чего достигли? Низкого уровня жизни, полной неконкурентоспособности готовой продукции, порчи людей. Во имя чего? Во имя неограниченной власти вождей, великодержавности государства, военной мощи. А где же «во имя человека», «в интересах удовлетворения постоянно растущих потребностей»? Всё это оказалось попросту вздором.

В то же время, вплоть до 70-х гг., советский народ не породил ни одного сколь-нибудь серьёзного и влиятельного идейного протеста против большевизма. В стране вообще не было создано альтернативной марксизму или большевизму теории или концепции, способной разрушить их идеологию, показать лживость их философских, политэкономических и иных основ. И режим большевиков был свергнут не идеей или научной теорией, а самой практикой жизни. Тем более сегодня важно рационально и реально осмыслить наше недавнее прошлое.

Как справедливо пишет Я.Певзнер, после октябрьского переворота 1917 г. «власть в России была на ряд десятилетий захвачена кучкой безответственных демагогов, принесших стране и её народу неисчислимы бедствия. История знает и такие случаи, когда подобный губительный поворот дел заканчивался гибелью целых народов. Но если жизнь сохраняется, раньше или позже дорогу пробивает разум. Сколь ни сложен, ни противоречив и ни болезнен выход из октябрьского тупика, начавшийся во второй половине 80-х годов процесс, продолжается, и его революционное содержание, его финал только в одном – в скорейшем выходе на общий цивилизационный путь политической и экономической демократии»⁴.

Советский Союз только чисто внешне мог считаться великой и могучей страной, прежде всего благодаря своей военной и политической силе. Что же касается внутренней силы, то о ней говорить не приходится, если иметь в виду, не забывать террор и насилие, навязывание народу обязательной идеологии, принудительное планирование и рабский труд, постоянный контроль над всем и вся сверху, отсутствие органической мотивации к труду и нововведениям, постоянный страх и прислуживание начальству.

Всё это стало поистине тяжким наследием для новой России, вставшей на путь реформ в 1992 г., и сегодня перед нашей страной стоят те же самые задачи, которые не смогли решить большевики в течение трех четвертей нынешнего столетия.

В апреле 1998 г. была опубликована статья бывшего первого вице-премьера правительства Российской Федерации Ю.Маслюкова с оценкой среднесрочных перспектив развития российской экономики до 2002 г. В ней справедливо говорилось, что «если мы хотим жить в условиях рынка и демократии, мы должны осуществить качественные, глубокие преобразования. Надо поднять уровень жизни. Создать массовый «средний класс»..., «модернизировать Россию и вывести ее на новый путь развития»⁵.

³ См. Известия, 12 декабря 1998 г.

⁴ Я.Певзнер. Крах коммунизма и современные общественные отношения, с. 48, 49.

⁵ Сегодня, 14 апреля 1999 г.

Всё верно. Но почему-то в нашем сознании стали забываться важные исторические вехи, когда Россия ставила перед собой такие же вопросы. Не буду говорить о реформах 1992-1998 гг., которые до конца не решили, к сожалению, этих задач в значительной мере в результате огромного и всё нарастающего сопротивления со стороны оппозиции, возглавляемой КПРФ. Задумаемся о том, что было раньше.

100 лет назад, а именно в марте 1899 г. вышла известная книга В.Ильина (В.Ленина) «Развитие капитализма в России». В ней автор четко высказал свое мнение о том, что развитие рынка, товарно-денежных отношений и частной собственности «имеет глубоко прогрессивное значение по отношению к старым формам жизни»⁶, что капитализм выполняет в России историческую миссию «повышения производительных сил общественного труда и обобществления его»⁷. Всё это было важно в то время не только для оценки нормальных перспектив развития нашей страны, но и для идейной дискредитации народничества. Как уже говорилось, народники отрицали объективную необходимость развития капитализма в России, говорили о возможности построения социалистического общества, минуя капитализм, на базе крестьянской общины. Всё это Ленин справедливо назвал «азиатчиной».

Тем временем капитализм в России набирал силу. В конце 19 в. страна переживала второй после Петровских времен виток модернизации за счет индустриализации. Страна в начале нашего века уже занимала первое место в мире по сбору и экспорту зерна, добыче нефти, протяженности железных дорог. Надежным было и финансовое положение страны, имевшей значительный запас золота и принявшей в 1897 г. систему золотого стандарта для своей валюты. Темпы роста ВВП (3,0-3,5% в год), сельского хозяйства (3,0%), промышленного производства (4,0-5,5%), в 1885-1913 гг. были не ниже, чем в странах Запада, а порой и заметно выше⁸. Рыночные отношения быстро развивались и охватывали не только промышленность и финансовую сферу, но и сельское хозяйство, где крестьянство активно расслаивалось.

В 1913 году Россия была страной среднего уровня экономического развития. Её ВВП, как уже говорилось, был равен 25% от уровня США, или 17% в расчете на душу населения, промышленное производство соответственно 16 и 11%. Казалось, страна набирала силы, быстро индустриализировалась и нуждалась в политической стабильности, компетентном государственном управлении (как и сейчас). Но большевики прервали этот процесс и, воспользовавшись состоянием войны, разрухой, огромной внутривнутриполитической смутой, совершили в 1917 г. революционный переворот. Несмотря на первоначальную поддержку с их стороны, развитие капитализма в России оказалось абортированным.

Социалистическая революция в России не была подготовлена ни развитием производительных сил, ни развитием рабочего класса, ни поддержкой пролетариата Европы. Против нее однозначно высказывались ведущие социал-демократы Запада, включая К.Каутского, Р.Люксембург и Г.Плеханова, которых Ленин и Троцкий хорошо знали лично. Они предупреждали большевиков о неизбежности в этом случае гражданской войны и террора в России, о страшных невзгодах и потерях для её народа.

Сразу же после октябрьского переворота большевики ликвидировали товарно-денежные отношения, сами деньги, установили «военный коммунизм», диктатуру одной партии, одной идеологии, одного плана и порядка, положив начало формированию особой советской модели экономики. Убежден, это был неверный, ошибочный политический выбор, который логически привёл к сталинизму, командно-административной, или тоталитарной системе.

Таким образом, вместо развития рынка и товарно-денежных отношений большевики применили иную, а вернее, прямо противоположную стратегию – методами мобилизации, чрезвычайщины и даже террора создали три вертикали власти (партийную, хозяйственную и сыскную, или кагебешную), вместо нормальных горизонтальных связей, сформировали тоталитарную систему, централизованное управление и планирование, выдвинули задачу «догнать и перегнать» страны Запада в экономическом отношении любой ценой.

Эта стратегия, базирующаяся на нетоварной советской модели экономики, провалилась везде, где она применялась, включая Китай, который с 1978 г. стал создавать частный сектор в своей экономике параллельно давно существующему государственному. Но беда в том, что последний, будучи неэффективным, стал поддерживаться за счёт частного, и эта коллизия ещё ждет своего разрешения. В нашей же стране советская модель, лишившая экономику внутренней мотивации к качественному труду, интенсификации производства и научно-

⁶ В.И.Ленин, ПСС, 4-е изд. Т.3, с. 509.

⁷ Там же, с. 504.

⁸ В.Мельянец. Крупные страны Востока и Запада: контуры долговременного экономического развития («Вестник московского университета», серия 13, Востоковедение, № 2, 1995, с. 40, 41).

техническому прогрессу, привела к долговременной тенденции замедления темпов экономического роста с конца 50-х годов, к прекращению последнего (по реальной оценке) с конца 70-х годов и развалу СССР.

Конечно, искусственное, плановое, идеологическое, дисциплинарное и иное подстёгивание темпов экономического роста привело к огромному количественному наращиванию «вала» советской продукции, как правило, неконкурентоспособной по стандартам мирового рынка. Ведь это правда, что конкурентоспособной была лишь продукция добывающей промышленности и военно-промышленного комплекса (как, впрочем, и сейчас). Тем не менее советский ВВП в лучшие времена достигал не менее 35-40% от уровня США по реальной оценке. Но постепенно это соотношение уменьшалось, а после развала СССР Россия в 1992 г. по своему ВВП оказалась на уровне всего лишь 13% к ВВП США, т.е. почти вдвое ниже, чем в 1913 году.

Сегодня перед Россией, как и 100 лет назад, вновь во весь рост стоит задача создания эффективной экономики на базе расширения товарно-денежных отношений, формирования современной рыночной инфраструктуры, и на этой основе уверенного движения вперёд. Только рынок, основанный на многообразии форм собственности, смешанной экономике и механизме конкуренции, стимулирующий личную инициативу, предприимчивость, ответственность и НТП, как и 100 лет назад, может сегодня помочь нашей стране встать на истинный путь здорового экономического и демократического развития. Как писал Б.Бруцкус, «рынок является совершенно незаменимым орудием всякого построенного на сложном разделении труда народного хозяйства и, кроме того, он является одной из важнейших гарантий личной свободы в таком обществе»⁹. С этим были согласны такие российские экономисты, как Н.Кондратьев, А.Чаянов и др., являющиеся гордостью нашей науки. И сегодня наша задача заключается в том, чтобы не уйти в очередной раз с этого правильного пути, прислушаться, наконец, к голосу разума.

Роль государства в процессе формирования зрелых рыночных отношений должна проявиться в огромной мере. Ведь в конце прошлого века государство широко участвовало в строительстве железных дорог, развитии фабрик и заводов в промышленности, форсировании экспорта, формировании здоровой финансово-банковской системы. Никто не говорил о том, что государство надо устранить от этого. И сегодня не может быть и речи об устранении государства от формирования эффективной рыночной модели для российской экономики.

Но участие государства в этом процессе не должно быть направлено на массовое восстановление государственной собственности, централизованного управления и планирования хозяйства, на вмешательство во все стороны нормальных экономических процессов. Создайте условия, а не плановые цифры, дайте стимулы, а не задания, поставьте на ноги развалившуюся кредитно-банковскую систему, возьмитесь, наконец, за научно-технический прогресс, начните поднимать лежащую ряд лет российскую науку – вот тогда наша экономика заработает, вот тогда в начале будущего века можно будет вздохнуть и с надеждой смотреть вперёд. В прошлом большевики надежд страны и своего народа не оправдали, не оправдали этих надежд и попытки «младореформаторов» в 1992-1998 гг.

А теперь посмотрим, какое место Россия занимает в мире в конце 20 в. по важнейшим макроэкономическим показателям и что может измениться в этом отношении к 2015 г.

По оценке экспертов Всемирного банка, ВВП России в 1998 г. был равен всего 7,5% от уровня США, т.е. в 3 раза меньше, чем в 1913 г. Прямые сопоставления объёмов промышленного производства и уровней производительности труда в промышленности России, США, Германии, Франции и Великобритании показали, что объём производства в промышленности России в 1998 г. составил к уровню США 8,2%, Германии – 36, Франции – 61 и Великобритании – 73%, уровень производительности труда в промышленности соответственно 12, 18, 16 и 23%¹⁰. Всё это свидетельствует о крайне низких уровнях нашего экономического развития в сравнении с главными западными странами, что необходимо учитывать не только во внутренней, но и внешней политике.

Проведенные сопоставительные расчёты дают базу для некоторых прогнозных оценок. По моим представлениям, если взять долгосрочный горизонт для прогноза в рамках 15-летнего периода до 2015 г., то, будучи оптимистом, можно исходить из того, что среднегодовой прирост ВВП в России ориентировочно составит 5%, промышленного производства 6%. Восстановительный экономический рост не потребует немедленных крупных капиталовложений, он будет опираться сначала на ввод неиспользуемых пока мощностей и

⁹ См. Н.Рогалина. Там же, с. 50.

¹⁰ В. Кудров. Россия потерял век. См. в «Сегодня», 21 апреля 1999.

иных ресурсов. Потом должны заработать такие факторы, как широкомасштабная предпринимательская инициатива, поддерживаемая государством, инвестиции, форсированный рост экспорта готовых изделий, включая продукты машиностроения, ускорение НТП.

Опираясь на анализ «исторических» темпов роста ВВП, производства и производительности труда в промышленности рассматриваемых стран Запада, можно предположить, что среднегодовой прирост ВВП в США в 1998-2015 гг. составит 2,4% (промышленного производства – 1,7%), в Германии соответственно – 2,6 (1,8), во Франции – 2,5 (1,2) и в Великобритании – 2,3 (1,1). На базе этих допущений и уже известных соотношений России и стран Запада по ВВП, промышленному производству и производительности труда в промышленности можно определить, что в 2015 г. ВВП России к уровню США составит 12%, к уровню Германии – 48, Франции – 67 и Великобритании – 74%, промышленное производство соответственно 17, 71, 134 и 163%, а производительность труда в промышленности – 25, 36, 35 и 51%.

Да, и в 2015 г. наша страна не достигнет соотношения с США по ВВП, которое было в 1913 г., но достигнет соотношения этого года по общему объёму промышленного производства. По уровню производительности труда в промышленности мы будем отставать от США в 4 раза.

Ну и что? Мы потеряли не год. Мы потеряли не 10 лет. Мы потеряли век, прожив XX век как смутный, революционный, иллюзорный и утопический век, на протяжении которого наша страна отвернулась от истинных интересов своего народа. И очень бы хотелось, чтобы у нас, наконец, дело пошло, начался нормальный экономический рост и общественное развитие в правильном направлении, то есть не назад, а вперёд.

Как и 100 лет назад, сегодня перед нами вновь стоит серьёзный и далекоидущий выбор: либо влиться в широкий поток развития мировой экономики и цивилизации (и получать в этом контексте не только поддержку, но и право на достойное и равноправное сотрудничество и партнерство с Западом), либо опять отойти в сторонку и где-то на окраине или периферии мировой экономики и цивилизации благоветь над своей «самобытностью», или ещё хуже над своими «преимуществами», уповая на свои «национальные особенности» и «передовитость». Раньше в это многие искренне верили, теперь не поверят – это точно.

Хочется надеяться, что Россия, как и в конце XIX в., не будет коснеть в изоляции и национальной исключительности и выйдет в XXI в. на широкую дорогу эффективного экономического и социального прогресса, с которого она сошла в начале нынешнего столетия.

В 1991 г. закончилась история российского большевизма и созданной им советской модели экономики, которая, в конце концов, была отвергнута Историей человеческой цивилизации. Видимо, нецивилизованные сущности в итоге надолго не приживаются. И в этом заключается важная сторона жизни.

В последние годы российский народ на фоне падения производства и жизненного уровня всё же смог хотя бы чуть-чуть испробовать реальные прелести новой жизни в виде изобилия предложения товаров и услуг, внутренней свободы, свободы слова и печати. Но при этом он был ввергнут в новые испытания и трудности. И самое главное – он не увидел и не услышал покаяния за все созданное большевиками в советском прошлом, а значит, и не понял огромную меру той трагедии, которую мы испытали. А значит, в обществе не сложился здоровый иммунитет против возврата к прошлому. На этом и живет нынешняя левая оппозиция. Остаётся фактом и другой вывод: человечеству понадобился почти век, чтобы рационально убедиться в несостоятельности СМЭ и социализма, как системы.